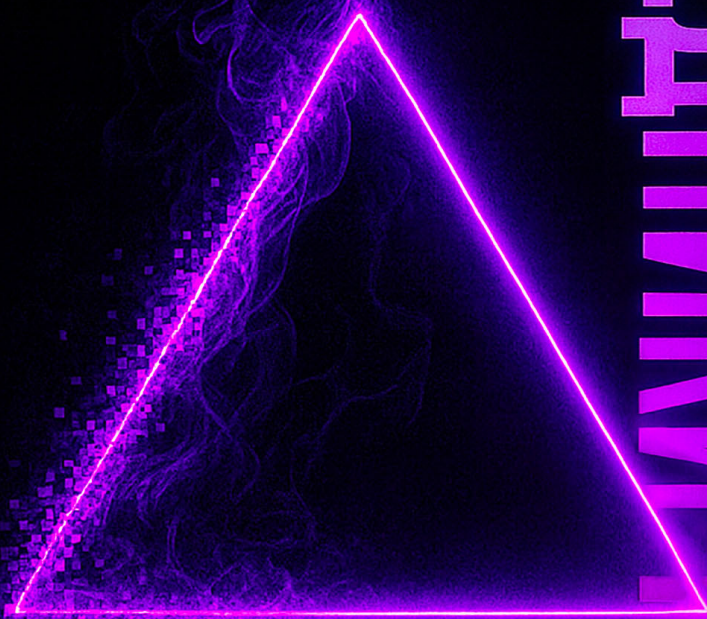

АРТУР СТЕРЛИНГ

Как нацистские
технологии борьбы
с «сектами»
породили современных
террористов

НАСЛЕДНИКИ ГЕСТАПО

Наследники Гестапо

**Как нацистские технологии борьбы с «сектами»
породили современных террористов**

Артур Стерлинг

Оглавление

Введение

Часть I. Истоки: Реферат II В 1 и технология ненависти

Глава 1. Наследие Гестапо

Глава 2. Портрет: Вальтер Кюннет, теолог Рейха

Часть II. Портреты в сумерках: российский «крестовый» поход

Глава 3. Духовный вакуум: Россия 90-х и рождение «сектоведения»

Глава 4. Портрет: архитектор ненависти Александр Дворкин

Глава 5. Портрет: Александр Новопашин и «православный Талибан»

Глава 6. Машина в действии: РАЦИРС и технология уничтожения

Часть III. Полигон: Современная охота на ведьм

Глава 7. Лиловый треугольник 2.0: Дело Свидетелей Иеговы

Глава 8. Разгром ашрама Шри Пракаша Джи

Глава 9. Дети как заложники: когда «экспертиза» становится оружием

Глава 10. Атака на Московскую Хельсинкскую группу

Глава 11. Тень дракона: Дело Фалуныгун

Часть IV. Паутина: Международная сеть антикультизма

Глава 12. Европейский штаб: FECRIS и французская модель

Глава 13. Щупальца спрута: Национальные фронты

Глава 14. Восточный фронт и глобальные амбиции

Заключение

Источники

Введение

Эта книга начинается в тишине архива и заканчивается грохотом выбиваемой двери. Между этими двумя точками лежит восемьдесят лет истории и одна неизменная технология. Технология превращения соседа во врага, убеждений в диагноз, а свободы в преступление.

Это история о том, как методы, разработанные в кабинетах Главного управления имперской безопасности Третьего рейха для «профилактической борьбы» с идеологическими противниками, перешли «по наследству» к современным российским «сектоведам». Как методички гестапо по учету, демонизации и уничтожению «сект» были перенесены в современный российский контекст и активно применяются различными заинтересованными группами.

Мы проследим, каким образом эти идеи распространялись и внедрялись. Мы увидим, как идея тотального контроля над сознанием, возникшая в кабинетах и апологетических центрах нацистской Германии, нашла свое воплощение в деятельности Александра Дворкина, вице президента европейской антикультистской федерации FECRIS и создателя разветвленной сети «сектоборцев» в России. Мы увидим, как региональные активисты вроде протоиерея Александра Новопашина в Новосибирске при поддержке местных властей осуществляют преследование инакомыслящих.

Мы подробно рассмотрим конкретные дела, связанные с этой проблемой. Историю индуистского ашрама Шри Пракаша Джи, который прошел путь от мирной общины до объекта полицейских обысков и рейдов после целенаправленной травли со стороны антикультистов. Войну против старейшей в стране правозащитной организации, Московской Хельсинкской группы, которую обвинили в работе на «сектантов» и иностранном влиянии. Трагедию матери, у которой пытались отнять ребенка на основании псевдонаучной экспертизы о ее неправильных взглядах.

Механизм, отточенный на преследовании Свидетелей Иеговы и других религиозных меньшинств, сегодня универсален. Он готов к применению против любого, кто осмелится мыслить иначе: будь то политический оппозиционер, независимый ученый, деятель авангардного искусства или просто человек, задающий неудобные вопросы.

Когда государство перенимает риторику антикультовой сети и вмешивается в вопросы веры, следующий шаг — контроль над литературой, кино и даже частной беседой, под предлогом борьбы с «иностранным влиянием». Путь к массовым репрессиям всегда начинается с составления списков «неудобных». Сегодня этот механизм вновь запущен — его стартовой точкой становится сектоведение, лженаука, которая определяет, кого следует считать опасным или чужим. Эта книга о тех, кто составляет такие списки, и о тех, кто рискует в них оказаться. О современных наследниках гестапо и о тех, кто как и прежде, вынужден идти путём лилового треугольника или носить жёлтую звезду.

Часть I.

Истоки: Реферат II В 1 и технология ненависти

Чтобы понять, что происходит в России сегодня, мы должны вернуться в Германию тридцатых годов. Не для поиска поверхностных аналогий, а чтобы изучить механизм, который стал прообразом современных антикультовых методов. Именно там, в альянсе стерильной тишины полицейских кабинетов и респектабельности университетских кафедр, была создана и отлажена безжалостная машина для идентификации и ликвидации идеологических врагов. Эта машина работала не только с помощью грубой силы. Ее главным оружием была информация, классификация и теологически обоснованная ненависть. Это была лаборатория, где технология ненависти обрела свою современную, наукообразную форму.

Глава 1. Наследие Гестапо

В 1933 году, сразу после прихода к власти, нацистский режим столкнулся с парадоксом. Германия была одной из самых развитых и культурных наций мира. Прямой террор против миллионов собственных граждан был неэффективен и мог вызвать отторжение. Нужен был иной подход: не просто подавление, а «профилактическая борьба с врагом» (*vorbeugende Gegnerbekämpfung*). Идеологом этого подхода стал один из самых страшных людей столетия, шеф тайной государственной полиции (гестапо), а затем и всего Главного управления имперской безопасности (РСХА), Рейнхард Гейдрих.

Гейдрих понимал, что для построения тоталитарного государства необходимо контролировать не только поступки, но и мысли. Любая независимая идеология, любая неподконтрольная государству группа, будь то политический партия, философский кружок или религиозная община, представляла собой экзистенциальную угрозу. Борьба с такими группами требовала выверенных методов и инструментов подавления

Для этой цели в структуре гестапо, а позже и РСХА, было создано особое подразделение. Изначально оно носило название **Реферат II В 1**, а после

реорганизации — **II В 2**. Его официальная задача звучала сухо и бюрократически: «Церкви, секты, масонство, еврейство, пацифизм». Руководили им не тупые садисты, а люди с университетским образованием, юристы и идеологи вроде доктора Вернера Беста, одного из архитекторов полицейского государства.

В чем заключалась работа этого бюрократического механизма?

- **Тотальный сбор данных.** Реферат II В 1 стал первым в истории государственным органом, поставившим на поток сбор информации о мировоззренческих и религиозных группах. Агенты внедрялись в общины, вербовали информаторов, собирали всю доступную литературу, анализировали проповеди и лекции. Вся страна покрылась сетью осведомителей.

- **Создание картотек (Karteien).** Вся собранная информация с немецкой педантичностью заносилась в подробнейшие картотеки. На каждого активного члена «враждебной» группы заводилось досье: имя, адрес, семейное положение, круг общения, степень «фанатизма». Эти картотеки были не просто списками. Они были инструментом анализа, позволявшим выявлять лидеров, находить слабые места в структуре организаций и планировать «мероприятия».

- **Идеологическая классификация.** Реферат не просто собирал данные, он создавал язык для описания врага. Именно его аналитики вырабатывали определения для «сект», «пацифистских ячеек» и «подрывных учений». Они создавали псевдонаучную базу, доказывающую, что та или иная группа вредна для «здоровья нации», подрывает «боевой дух» или является проводником «еврейского» или «масонского» влияния.

- **Разработка «рекомендаций».** На основе собранной информации и идеологических штампов Реферат готовил для высшего руководства СС и гестапо аналитические записки и конкретные рекомендации. Эти рекомендации варьировались от запрета литературы и закрытия типографий до ареста лидеров и отправки рядовых членов в концентрационные лагеря.

Реферат II В 1 представлял собой не просто полицейское подразделение, а ключевой исполнительный орган системы преследования. Вместе с силовыми структурами в реализации этой политики участвовали и идеологические, а также теологические институты, придававшие происходящему легитимность и моральное обоснование. Одной из ведущих публичных ролей в этом процессе

играл представитель церкви — пастор, официально поддерживавший репрессивные меры.

Глава 2. Портрет: Вальтер Кюннет, теолог Рейха

Если Реферат II В 1 был бездушным бюрократическим механизмом, то его интеллектуальным топливом служили работы таких людей, как Вальтер Кюннет (Walter Kuennet) — влиятельный лютеранский теолог и одна из ключевых, чьи взгляды внесли существенный вклад в возникновение и обоснование репрессивной идеологии. Его роль в легитимации насилия и дискриминации часто недооценивается в исторических исследованиях. Именно он и его школа мысли обеспечили нацистский режим тем, чего не могли дать полицейские чиновники: псевдонаучным и псевдотеологическим оправданием для преследования инакомыслящих. Вместо сопротивления насилию и нарушению человеческих прав, Кюннет выступал одним из тех, кто оправдывал и способствовал этим процессам на идейном уровне. Гестапо лишь реализовывало на практике то, что было сформулировано подобными идеологами.

От теологии к патологии

Кюннет не был офицером СС. Он считался уважаемым профессором, автором многочисленных книг, экспертом по «мировоззренческим вопросам». Его карьера — это реальный пример того, как интеллектual ставит свой дар на службу тоталитарному режиму.

Ключевой идеей Кюннета была концепция органического единства нации, государства и церкви. В его видении, Третий Рейх был не просто политическим образованием, а воплощением здорового народного тела (*gesunder Volkskörper*). Любое мировоззрение, не вписывающееся в рамки синтеза нацистской идеологии и лояльного государству лютеранства, он рассматривал не как альтернативную точку зрения, а как болезнь, как духовный патоген (*geistiger Krankheitserreger*), угрожающий самому существованию нации.

В своих работах, таких как напумевшая «Евангелическая правда в мировоззренческой борьбе нашего времени» (*Evangelische Wahrheit im*

weltanschaulichen Kampf der Gegenwart), Кюннет создал детальную классификацию «духовных врагов».

- **«Секты»** вроде Свидетелей Иеговы он заклеил как носителей «еврейско-пацифистского яда», подрывающего оборонный дух германской нации и ее волю к борьбе.

- **Антропософию** он объявил «беспочвенным космополитическим интеллектуализмом», отравляющим немецкую молодежь гуманистическими идеями, чуждыми расовому самосознанию.

- **Христианскую науку** он презирал за «отрицание биологической реальности», что шло вразрез с нацистским культом физической силы и расовой гигиены.

Кюннет и его «Евангелический центральный отдел по вопросам мировоззрения» (*Evangelische Zentralstelle für Weltanschauungsfragen*), по сути, работали как внешний R&D департамент для гестапо. Они поставляли Реферату II В 1 готовые идеологические конструкции, определения и списки «опасных» групп. Кюннет давал полицейской дубинке теологическое благословение и наукообразное алиби.

Послевоенная мимикрия и экспорт технологии

Самое страшное в истории Кюннета — это то, что его работа не закончилась в 1945 году. В отличие от многих нацистских функционеров, он благополучно пережил войну, прошел поверхностную «денацификацию» и продолжил свою деятельность, лишь слегка сменив терминологию. Его дело было подхвачено его учениками и последователями, такими как Йоханнес Огорд.

Произошла гениальная подмена понятий, позволившая сохранить суть технологии, отмыв ее от нацистской символики. Так, нацистская евгеника духа была переупакована в респектабельную обертку заботы о психическом здоровье. Борьба за чистоту арийской расы со временем трансформировалась в борьбу за «целостность личности», духовный патоген — в деструктивный культ, а идеологическая зараза — в контроль сознания. Технология ненависти была успешно «отмыта» и подготовлена для экспорта и адаптации к новым условиям.

Именно в этой «очищенной» форме она и была импортирована в конце XX века в другие страны, включая США, некоторые страны Европы и постсоветскую

Россию. Когда Александр Дворкин изучал работы западных «антикультистов», он, по сути, впитывал методологию, являющуюся прямой наследницей разработок Вальтера Кюннета. Он унаследовал эстафету, начавшуюся в кабинетах нацистских теологов. Идеологический фундамент, заложенный Кюннетом для гестапо, оказался идеальным основанием для деятельности «сектоборцев» в XXI веке.

Нацистская технология подавления инакомыслия, созданная в союзе полицейских практиков из гестапо и идеологов вроде Вальтера Кюннета, была бы невозможна без ключевого элемента: создания псевдонаучного языка, который легитимизировал насилие. Механизм её действия предельно прост и вместе с тем чрезвычайно эффективен: он состоит из трех этапов: идентификация, демонизация и изоляция.

Идентификация. Первым шагом было определение самого понятия «секта». Для аналитиков Реферата II В 1 «секта» — это не теологический термин. Это была категория политической полиции. Но определения и идеологические маркеры для этой категории поставлял не Рейнхард Гейдрих, а теологи вроде Вальтера Кюннета. В эту категорию попадала любая группа, чья система ценностей отличалась от национал-социалистической и не поддавалась прямому государственному контролю.

Главной мишенью и идеальным учебным пособием для отработки технологии стали «Исследователи Библии», или Свидетели Иеговы. Почему именно они?

- **Наднациональная структура:** Их центр находился в США, что позволяло представить их как агентов иностранного влияния.

- **Отказ от милитаризма:** Их отказ от военной службы и нацистского приветствия расценивался как прямое неповиновение государству и подрыв боевого духа нации.

- **Активный прозелитизм:** Они не сидели тихо, а активно распространяли свои взгляды, что воспринималось как идеологический вызов существующему порядку.

За Свидетелями Иеговы последовали другие. Антропософское общество Рудольфа Штайнера было объявлено вредным из-за своего гуманизма, пацифизма и «интеллектуализма». Были запрещены и разгромлены

вальдорфские школы. Христианская наука попала под удар за свои идеи о целительстве верой, что противоречило нацистскому культу физического здоровья и расовой гигиены. Даже мелкие неоязыческие и оккультные группы, которые, казалось бы, могли найти общий язык с мистицизмом верхушки СС, были уничтожены просто потому, что были неподконтрольны.

Демонизация. После того как группа была идентифицирована как «секта», начинался следующий этап. Образ врага создавался не на пустом месте. Он черпался из псевдо-теологических работ Кюннета и его школы, которые неподконтрольная пресса переводила на язык простых, пугающих лозунгов. Свидетелей Иеговы обвиняли в том, что они являются «авангардом мирового еврейства» и «пацифистской заразой». Антропософов представляли как снобов, оторванных от народа и развращающих немецкую молодежь. Любые необычные ритуалы или учения выставлялись как доказательство безумия, аморальности или злого умысла. Цель была в том, чтобы обыватель при слове «антропософ» или «свидетель» испытывал не любопытство, а страх и отвращение.

Изоляция. Финальным этапом было практическое уничтожение. На основе собранных досье и созданного общественного мнения начинались репрессии. Увольнения с работы. Исключение детей из школ. Конфискация имущества. Аресты. Для Свидетелей Иеговы был придуман специальный опознавательный знак в концлагерях: лиловый треугольник.

Эта трехступенчатая система — идентификация, демонизация, изоляция — и есть анатомия нацистского «сектоведения». Это не было исследованием религий. Это была технология социального уничтожения, предшествовавшая уничтожению физическому.

Ключевой урок, который мы должны извлечь из деятельности Реферата II В 1 и его интеллектуальных вдохновителей, заключается в следующем: как только государство делегирует группе «экспертов» право решать, какие убеждения являются «правильными», а какие «сектантскими», оно открывает ящик Пандоры. Ведь в действительности применяемые критерии оказываются не теологическими, а политическими: то, что вчера считалось угрозой в лице, например, Свидетелей Иеговы, сегодня определяется иначе — под удар попадают правозащитники, а завтра объектом преследования может стать любой.

Эта технология, разработанная и доведённая до совершенства в тоталитарных режимах XX века, проявляет универсальность и по сей день. Она требует лишь наличия «врага», группы «экспертов», готовых написать нужное заключение, и общества, готового поверить, что свобода совести — это роскошь, которой можно пожертвовать ради безопасности.

Часть II.

Портреты в сумерках: российский «крестовый» поход

Механизмы ненависти, выработанные ещё в Третьем рейхе, нашли своё продолжение в новых исторических обстоятельствах. В России девяностых годов такой спрос возник. На руинах рухнувшей коммунистической идеологии, в атмосфере невиданной свободы и экзистенциального хаоса образовался духовный вакуум. И, как известно, свято место пусто не бывает.

Эта часть — о людях, которые взяли этот вакуум заполнять. Не проповедью, но запретом. Не любовью, но страхом. Это галерея портретов тех, кто увидел в свободе — угрозу, в поиске — болезнь, а в инакомыслии — преступление. Это история о том, как в России был объявлен новый крестовый поход, и кто стал его генералами, офицерами и идеологами. Это портреты в сумерках эпохи, которая могла стать рассветом, но выбрала сгущающуюся тьму.

Глава 3. Духовный вакуум: Россия 90-х и рождение «сектоведения»

Чтобы понять, как человек с биографией советского диссидента-эмигранта смог превратиться в Великого инквизитора, необходимо понять время, которое его породило. Россия начала девяностых была страной, пережившей коллективную психологическую травму. Семьдесят лет государственного атеизма рухнули вместе с Берлинской стеной, оставив после себя зияющую пустоту на месте прежних ценностей и смыслов.

Миллионы людей, воспитанных в парадигме «научного материализма», внезапно оказались в мире, где официально разрешили искать Бога. Но Русская Православная Церковь только недавно вступившая в новую историческую эпоху, оказалась не готова утолить этот массовый духовный голод. Ослабленная десятилетиями гонений и сотрудничества с властью, она не обладала ни кадрами, ни языком. ни опытом для диалога с людьми, стремившимися найти новые опоры и смыслы.

Духовный вакуум девяностых оказался пространством притяжения для множества идей и учений. В Россию пришли представители различных зарубежных религиозных движений, возник интерес к восточным и нетрадиционным формам духовности, на поверхность вышли отечественные мистики и новые религиозные лидеры. На книжных полках появились издания по эзотерике, альтернативным практикам и философии, а на телевидении появились программы о новых способах поиска смысла и самопознания.

Это была эпоха невиданной свободы. Для многих это было время надежды и личного духовного открытия. Но для двух мощных институтов — возрождающегося государства и восстанавливающей свои позиции Церкви — это была картина анархии и утраты контроля.

- **Государство**, ослабленное и потерявшее идеологическую монополию, видело в неконтролируемых духовных движениях угрозу национальной безопасности. Вчерашние партийные функционеры, ставшие чиновниками новой России, мыслили категориями контроля и суверенитета. «Иностранные» религии легко вписывались в параноидальную картину мира, где Запад стремится не только экономически, но и духовно колонизировать Россию.

- **Русская Православная Церковь** увидела в происходящем прямую угрозу своей «канонической территории». Упустив момент для миссии среди собственного народа, церковные иерархи предпочли не конкурировать с новыми движениями на уровне идей, а бороться с ними административными методами. «Секты» стали удобным объяснением собственной неэффективности. Не мы не смогли достучаться до людей, а их «зазомбировали», «завербовали» коварные враги.

В этой ситуации постепенно сложился негласный альянс интересов. Государство искало инструмент для контроля над новым идеологическим пространством. Церковь стремилась ограничить влияние религиозных и духовных конкурентов. А общество, встревоженное рассказами о «квартирных мошенниках» и «зомбировании», нуждалось в простых решениях и в образе защитника.

На этот тройственный альянс интересов навязчиво откликнулось «сектоведение» Дворкина. Оно не просто предлагало свои услуги — оно рисовало масштабные картины угрозы, делая себя необходимым для всех участников. Вместо сложного богословского анализа предлагались яркие, пугающие ярлыки:

«тоталитарная секта» «деструктивный культ», «контроль сознания» — термины, пришедшие скорее из арсенала спецслужб, чем из церковной традиции.

«Сектоведение» становилось универсальным средством: наукообразным — для судов и экспертиз, эмоционально-обличительным — для СМИ. Его задачей было не исследование, а искоренение, и оно настойчиво претендовало на роль единственной инстанции в вопросах духовной безопасности.

России девяностых понадобился свой «охотник на ведьм» — человек, который бы собрал разрозненные страхи, дал им имена, создал врага и возглавил борьбу за «очищение». Такой человек нашёлся: его звали Александр Дворкин.

Глава 4. Портрет: архитектор ненависти Александр Дворкин

История Александра Леонидовича Дворкина — это горькая и поучительная притча о том, как борец с тоталитаризмом может превратиться в его зеркальное отражение. Его биография — ключ к пониманию всей системы современного российского «сектоборчества», ибо он не просто ее часть, он ее создатель и главный идеолог.

Путь от хиппи до инквизитора

Биография Дворкина до эмиграции читается как роман о советском неконформисте. Родился в 1955 году в Москве, в юности — хиппи, участник столичной богемной тусовки. Он слушал запрещенный рок, читал самиздат и презирал удушающую атмосферу застоя. В 1977 году, будучи отчисленным из Московского педагогического института, он эмигрирует в США. Классический путь инакомыслящего.

В Америке его жизнь делает крутой поворот. Он заканчивает Нью-Йоркский университет, работает на радиостанции «Свобода» — рупоре антисоветской пропаганды. И здесь, вдали от Родины, он обретает веру. Но не просто веру. Он принимает православие в юрисдикции Православной Церкви в Америке и поступает в Свято-Владимирскую духовную семинарию — центр интеллектуального православного богословия.

Именно в Америке, в этот период, он открывает для себя американское антикультовое движение и знакомится с работами и идеями его лидеров — Теда Патрика, Стивена Хассана, Маргарет Сингер и других, впитывая их язык и подходы, в которых религиозная инаковость часто описывается в терминах психиатрического диагноза или социальной опасности.

В 1992 году он возвращается в Россию. Его знакомство с американским антикультовым движением, дополненное методиками апологетов нацистской эпохи, даёт свои всходы: здесь эти подходы быстро укореняются и находят широкое применение.

Архитектор системы

Приехав в Москву, Дворкин развивает кипучую деятельность.

- Он вводит в русский язык и популяризирует термин «тоталитарная секта». Это гениальный ход. Он соединяет в одном словосочетании ненавистный советскому человеку «тоталитаризм» и пугающее слово «секта». Любая группа, подпадающая под это определение, автоматически становится врагом, не заслуживающим ни диалога, ни уважения.

- Дворкин становится главным медийным экспертом по «сектам». Несмотря на отсутствие выдающихся ораторских качеств, он умело использует простые, яркие формулировки и запоминающиеся метафоры. Его выступления насыщены жуткими историями о зомбировании, разрушенных семьях, самоубийствах. Он не утруждает себя доказательствами, апеллируя напрямую к эмоциям и страхам обывателя.

- Его главная заслуга перед системой — перевод «сектоведения» из области публицистики в ранг государственной политики. В 2009 году он становится председателем Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ. Отныне он и его соратники получают право решать, какая религиозная группа достойна регистрации, а какая — нет. Их заключения ложатся в основу судебных решений о ликвидации общин по всей стране. Это триумф: вчерашний публицист получает в руки карательный рычаг государственного аппарата.

Для Дворкина характерен взгляд на «секты» как на заведомо злонамеренные структуры: их участники для него не просто заблуждаются, а

сознательно преследуют цели власти и обогащения, не гнушаясь никакими средствами. В этом заключается основа его подхода — он не признаёт за своими оппонентами искренности веры, рассматривая их как мошенников, а сами религиозные объединения — как преступные группы. С таким подходом невозможен теологический спор: остаётся только язык уголовного кодекса. Это повторяет логику Реферата II В 1, когда мировоззренческий конфликт переводится в плоскость государственной безопасности.

Каковы его мотивы? Идеологическая убежденность, безусловно, играет роль. Он, вероятно, искренне верит, что спасает Россию от духовной агрессии? Или дело также в карьерных амбициях? Роль «главного сектоведа» дала ему статус, влияние и доступ к государственным ресурсам, о которых он не мог и мечтать.

Дворкин создал в России интеллектуальный и организационный каркас для преследования по религиозному признаку. Он дал власти понятный язык, методологию и псевдонаучное обоснование для борьбы с «неудобными». Однако для воплощения этой идеологии нужны были не только идеи, но и исполнители — люди на местах, готовые применять эти подходы на практике.

Глава 5. Портрет: Александр Новопашин и «православный Талибан»

Если Александр Дворкин — это мозг и стратег антикультулистской сети, то протоиерей Александр Новопашин из Новосибирска — ее мускулы и полевой командир. Его фигура наглядно демонстрирует, как идеология ненависти, сформулированная в столичных кабинетах, преломляется на региональном уровне, обрастая местной спецификой.

Новопашин, настоятель собора Александра Невского в Новосибирске, ещё в 1993 году основал православное братство во имя святого благоверного князя Александра Невского. Именно на базе этого братства с начала 1990-х годов начала формироваться антисектантская деятельность. С 1994 года при братстве и соборе действует Информационно-консультационный центр по вопросам сектантства, а Новопашин возглавляет региональное отделение Центра религиоведческих исследований во имя священномученика Ириния Лионского

(РАЦИРС). Именно антисектантская деятельность постепенно стала главным публичным направлением его работы. Новопашин сумел выстроить эффективную систему взаимодействия с государственными структурами и общественными организациями:

- **Местные власти:** Он плотно интегрирован в региональную элиту, является членом Общественной палаты Новосибирской области, что дает ему административный ресурс.

- **Силовые структуры:** Он поддерживает тесные контакты с полицией и ФСБ, выступая для них в качестве «эксперта» и неформального наводчика.

- **Казачество и радикальные группировки:** Он активно привлекает к своим акциям казаков и членов различных «патриотических» движений, используя их как силовую массу для пикетов, митингов и акций устрашения.

Термин «православный Талибан», который иногда применяют к нему оппоненты, точно отражает его методы. Это не полемика и не проповедь. Это силовое подавление.

- **Демонизация через искусство:** Новопашин активно использует кинематограф как орудие пропаганды. Он является продюсером и сценаристом фильмов с говорящими названиями вроде «Территория беззакония» или «Рядом с нами». В этих фильмах «сектанты» предстают в образе шпионов, террористов и психопатов. Фильмы демонстрируются в школах и вузах, формируя у молодежи образ врага.

- **Срыв мероприятий:** Группы активистов, координируемые из центра Новопашина, регулярно срывают публичные мероприятия «неправильных» организаций: от лекций по йоге до рок-концертов. Они врываются в залы, устраивают провокации, вызывают полицию.

- **Давление на власти:** Используя свой статус, Новопашин добивается отмены аренды помещений, запрета на проведение фестивалей и выставок. Его слово часто становится решающим для чиновников.

- **Прямые угрозы:** Он не стесняется в выражениях, публично называя своих оппонентов «сатанистами» и «врагами России». В атмосфере, создаваемой такими проповедями, переход от слов к физическому насилию — лишь вопрос времени.

Деятельность Новопашина ярко иллюстрирует, что происходит, когда церковь тесно связывает себя с антикультовой сетью и силовыми структурами. Она перестаёт быть духовным институтом и превращается в карательный орган, где только он имеет право решать, кто достоин молиться и как именно. Вместо проповеди любви и поддержки возникает атмосфера нетерпимости и преследования «инакомыслящих».

История протоиерея Александра Новопашина показывает второй, не менее важный уровень системы. Если Дворкин пишет инструкции, то Новопашин и ему подобные обеспечивают их исполнение на местах, переводя язык ненависти в реальные действия: травлю, запреты и страх. Но для того, чтобы система работала бесперебойно по всей стране, нужен был единый организационный механизм. И он был создан.

Глава 6. Машина в действии: РАЦИРС и технология уничтожения

Индивидуальные усилия Дворкина были бы не столь эффективны, если бы не были объединены в единую, централизованную структуру. Такой структурой стала Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС). Созданная в 2006 году под эгидой Дворкина, она объединила разрозненные региональные антисектантские центры в единую сеть, покрывшую всю страну.

РАЦИРС — это не научная ассоциация. Это "боевая организация", штаб по координации войны на уничтожение. Ее методы — это точная, хотя и адаптированная к современным реалиям, копия трехступенчатой технологии, отработанной подразделением гестапо, занимавшимся церковными вопросами в нацистской Германии Рефератом II В 1: идентификация, демонизация, изоляция.

1. Фабрика «экспертиз»: Наукообразная идентификация

Фундаментом всей репрессивной машины являются «экспертные заключения», которые пачками производят члены РАЦИРС. Эти документы, написанные наукообразным языком, на самом деле являются политическими

доносами. Их цель — не исследовать учение группы, а доказать ее «деструктивный» и «тоталитарный» характер.

Для этого используется стандартный набор риторических приемов:

- **Патологизация:** Вера и религиозный опыт описываются в терминах психиатрии: «контроль сознания», «бомбардировка любовью», «индуцированное психическое расстройство».

- **Криминализация:** Любой сбор пожертвований трактуется как «мошенничество», любая иерархия в организации — как «жесткая структура, направленная на подавление воли».

- **Ссылки на авторитеты:** Заключение пестрят ссылками на работы самого Дворкина и других членов РАЦИРС, создавая иллюзию научного консенсуса.

Эти «экспертизы» затем передаются в правоохранительные органы, прокуратуру и суды. Для судьи или следователя, не разбирающегося в тонкостях теологии, бумага с подписью «эксперта» и печатью аффилированной с Минюстом организации выглядит как весомое доказательство. Так создается юридическая база для репрессий.

2. Медийный террор: Демонизация

После того как группа идентифицирована как «враг», РАЦИРС запускает машину медийной травли. Региональные центры, как по команде, начинают распространять через подконтрольные СМИ и интернет-ресурсы компрометирующие материалы.

Технология демонизации отточена до мелочей:

- **Поиск «апостатов»:** Ключевую роль играют бывшие члены общин, готовые давать обличительные показания. Их истории, часто полные личных обид и преувеличений, тиражируются как неопровержимое свидетельство «ужасов секты».

- **Создание «ужастика»:** Любой необычный аспект учения или практики вырывается из контекста и подается как нечто злое и аморальное. Медитация превращается в «зомбирование», аскеза — в «истязание», общинная жизнь — в «уход от реальности».

- **Ярлыки и ассоциации:** К названию группы постоянно привязываются негативные ярлыки: «деструктивный культ», «экстремисты», «агенты ЦРУ».

Цель этого медийного террора — создать в обществе атмосферу страха и ненависти, лишить преследуемую группу любой общественной поддержки и оправдать в глазах населения последующие силовые действия.

3. «Общественный гнев» и бизнес на страхе: Изоляция

Финальный этап — полная социальная изоляция и уничтожение группы. РАЦИРС использует для этого как административный ресурс, так и имитацию «народного гнева».

- **Организация протестов:** Активисты центров организуют пикеты у зданий, где собираются «сектанты», пишут коллективные письма в органы власти, требуя «защитить наших детей». Это создает иллюзию массового недовольства и дает чиновникам повод для запретительных мер.

- **Финансовая составляющая:** Борьба с «сектами» оказалась и прибыльным бизнесом. Эта деятельность финансируется за счет различных каналов:

- **Государственные и церковные гранты:** На «профилактику экстремизма» и «духовно-нравственное воспитание».

- **Пожертвования:** От напуганных граждан и заинтересованных спонсоров.

- **Платные «консультации»:** Родственникам «пострадавших» предлагаются платные услуги по «выводу из секты».

Показательна история священника Владимира Головина, которого сама РПЦ обвинила в создании «коммерческого проекта, напоминающего секту». Он якобы построил целую империю, продавая «молитву по соглашению» и другие сомнительные духовные услуги. Самое ироничное в этой ситуации то, что инструменты и риторика, которые использовали церковные структуры против Головина, были точь-в-точь скопированы из арсенала «сектоборцев» вроде Дворкина. Механизм, созданный для борьбы с «чужими», оказался пригоден и для подавления инакомыслия среди «своих».

РАЦИРС — это сердце репрессивной машины. Это гидра, чьи головы раскинуты по всей стране. Она превратила борьбу за души в конвейер по производству врагов. Этот конвейер работает без сбоев, ломая судьбы, разрушая общины и убивая в России саму идею свободы совести.

Часть III.

Полигон: Современная охота на ведьм

Глава 7. Лиловый треугольник 2.0: Дело Свидетелей Иеговы

Если бы Александр Дворкин и его последователи захотели создать идеального врага для своей системы, им не пришлось бы ничего выдумывать. Им достаточно было дождаться, пока в России наберет силу организация Свидетелей Иеговы. Она словно была создана по лекалам нацистского Реферата II В 1 как идеальная мишень: пацифисты, отказывающиеся от службы в армии; космополиты, чей центр управления находится за рубежом; нонконформисты, ставящие законы Бога выше законов «кесаря»; и, что самое главное, активные проповедники, бросающие вызов монополии традиционной церкви. Их преследование в России — это не случайность и не эксцесс. Это логическое, запрограммированное завершение всего проекта «сектоборчества».

Идеальный враг: Почему именно они?

Преследование Свидетелей Иеговы началось не в 2017 году. Оно тлело с самого начала 90-х, разгораясь по мере того, как система Дворкина набирала силу. В его лексиконе они всегда занимали особое место. Он называл их «одной из самых опасных и агрессивных тоталитарных сект», обвиняя во всем смертном грехе антикультистского катехизиса:

- Контроль сознания: «Люди перестают критически мыслить, они полностью подчинены организации».
- Разрушение семей: «Секта требует разрывать отношения с родственниками-«неверными».
- Угроза жизни и здоровью: «Их отказ от переливания крови приводит к смертям, в том числе детским».
- Иностранное влияние: «Это чисто американский проект, управляемый из Бруклина, инструмент геополитического влияния».

Каждое из этих обвинений было многократно опровергнуто как самими верующими, так и независимыми религиоведами. Отказ от переливания крови

— это осознанный выбор взрослого человека, основанный на трактовке Библии, и для него существует множество медицинских альтернатив. «Разрыв с семьями» чаще всего провоцировался нетерпимостью самих родственников, подогретых антикультистской пропагандой. Но для машины ненависти факты не имеют значения. Важен образ.

Дворкин и его соратники из РАЦИРС годами бомбардировали общественное сознание и кабинеты силовиков этим набором штампов. Они создали идеальный идеологический фундамент для репрессий. Они убедили государство, что Свидетели Иеговы — это не группа верующих, а подрывная экстремистская организация. Оставалось только нажать на курок. И этим курком стал российский закон «О противодействии экстремистской деятельности».

Хроники абсурда: Библия как экстремистская литература

Закон об экстремизме, принятый в 2002 году и впоследствии многократно ужесточенный, стал для сектоборцев подарком судьбы. Его расплывчатые формулировки, особенно пункт о «возбуждении религиозной розни» и «пропаганде исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его религиозной принадлежности», позволяли объявить экстремистом любого, кто утверждает истинность своей веры.

Именно этот юридический таран был использован против Свидетелей Иеговы. Началась кафкианская кампания по признанию их литературы «экстремистской».

- Первые ласточки: В 2009-2010 годах суды в Таганроге и Горно-Алтайске по искам прокуратуры, основанным на «экспертизах» местных сектоведов, признают экстремистскими десятки брошюр и журналов «Сторожевая Башня». Формулировки поражают воображение. Экстремизмом объявлялась критика других религий или утверждение, что только путь Свидетелей Иеговы ведет к спасению — базовый тезис для сотен религиозных течений.

- После первых решений процесс пошел по всей стране. Любая брошюра, внесенная в Федеральный список экстремистских материалов, становилась поводом для обыска и изъятия всей литературы в любом другом городе. Очевидцы утверждали, что силовики начали подбрасывать запрещенные брошюры в Залы Царства (молитвенные дома), чтобы сфабриковать дела. В 2010

году Европейский суд по правам человека осудил Россию по делу «Свидетели Иеговы в Москве против России», признав незаконной ликвидацию московской общины и нарушение прав на свободу религии и объединений, но это уже никого не останавливало.

- Кульминацией стал запрет «Перевода нового мира» — версии Библии, используемой Свидетелями Иеговы. В августе 2017 года Выборгский городской суд, проигнорировав прямой законодательный запрет на признание священных текстов мировых религий экстремистскими, признал эту книгу экстремистским материалом. Судебная экспертиза утверждала, что «Перевод нового мира» не соответствует каноническому переводу Библии, ссылаясь на отсутствие традиционных названий «Ветхий Завет» и «Новый Завет» и отличия от синодального перевода. Это было даже не Средневековье. Это был Оруэлл. Государство в лице провинциального суда решало, какая Библия является «правильной», а какая — нет.

Репрессивная машина запустила цепную реакцию. Сначала по экспертизам сектоборцев запрещалась литература. Затем на основании наличия этой «экстремистской» литературы возбуждались административные и уголовные дела против общин и отдельных верующих. Накопленная масса этих дел и стала основанием для финального удара.

Операция «Судный день»: Запрет и ликвидация

20 апреля 2017 года Верховный суд Российской Федерации удовлетворил иск Министерства юстиции и принял решение — итог многолетней кампании Дворкина и его соратников.

«Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и все его 395 местных религиозных организаций были признаны «экстремистскими», ликвидированы, а их деятельность запрещена на территории РФ.

Иск Минюста был построен целиком на фундаменте, заложенном сектоборцами. Он повторял все их тезисы: отказ от переливания крови, призывы не служить в армии, пропаганда превосходства. И главное — он ссылался на многочисленные случаи обнаружения у верующих «экстремистской литературы», той самой, которую годами запрещали по всей стране. Ловушка захлопнулась.

Для почти 175 000 российских Свидетелей Иеговы это решение означало одно: в одну ночь они стали преступниками. Любая совместная молитва, любое чтение Библии в группе, любая проповедь теперь подпадали под статью 282.2 УК РФ («Организация деятельности экстремистской организации»). Наказание — до восьми лет лишения свободы (позже срок был увеличен до двенадцати лет). Началась самая массовая кампания религиозных репрессий в новейшей истории России.

То, что последовало за решением Верховного суда, напоминает сводки с фронта. По всей стране, от Калининграда до Владивостока, начались облавы.

«Я проснулась в шесть утра от страшного грохота. Казалось, дверь сейчас вылетит вместе с косяком. Когда я открыла, в квартиру ворвались люди в масках, с автоматами, в бронежилетах. Они повалили мужа на пол, заломили ему руки. Кричали: "Лежать, ФСБ!" Я думала, это какая-то ошибка. Они перевернули весь дом, искали литературу, допрашивали нас до позднего вечера. Все это — на глазах у нашего маленького сына. Вечером мужа увезли. Я не знала, увижу ли я его снова».

Так проходили обыски и аресты Свидетелей Иеговы по всей стране. Подобные свидетельства давали десятки жен арестованных.

Подобный сценарий повторялся с ужасающей точностью:

- **Рассветные рейды:** Группы захвата в полной экипировке врываются в квартиры, где часто спят дети и старики.
- **Унизительные обыски:** Изымаются не только книги и электронные устройства, но и личные деньги, фотографии.
- **Многочасовые допросы:** Верующих, включая пожилых и больных, допрашивают об их вере, о том, кто еще ходит на собрания. Используют психологическое давление, угрожают отобрать детей.
- **Тайные свидетели:** В судах обвинение часто строится на показаниях засекреченных свидетелей под псевдонимами «Иванов» или «Петров», которые утверждают, что слышали, как подсудимый «вовлекал» их в экстремистскую организацию.
- **Жестокие приговоры:** Мужчин и женщин приговаривают к реальным срокам — 6, 7, 8 лет колонии. За что? За то, что они собирались вместе, пели песни и молились Иегове.

В застенках верующие сталкиваются с пытками. В феврале 2019 года в Сургуте как минимум семерых Свидетелей Иеговы после задержания пытали в здании Следственного комитета. Их душили пакетами, били током, требуя признательных показаний и имен других верующих.

Это не борьба с экстремизмом. Это религиозная война, санкционированная государством и идеологически обеспеченная «сектоведами». Когда Александр Дворкин в своих интервью злорадствует по поводу приговоров, он празднует победу. Его технология сработала безупречно.

Механизм, описанный выше, реализовался на 100%:

- Идентификация: Свидетели Иеговы были названы враждебной «тоталитарной сектой».
- Демонизация: Многолетняя медийная кампания создала образ опасных фанатиков.
- Изоляция и уничтожение: Через манипуляцию антиэкстремистским законодательством организация была запрещена, ее имущество конфисковано, а верующие брошены в тюрьмы.

Лиловый треугольник, которым нацисты клеймили Свидетелей Иеговы в концлагерях, обрел в России XXI века новое, виртуальное воплощение. Он стал невидимой меткой в базах данных МВД и ФСБ. Меткой, которая превращает законопослушного гражданина во врага государства. История вернулась в исходную точку, доказывая, что порожденная нацистами ненависть не имеет срока годности.

Глава 8. Разгром ашрама Шри Пракаша Джи

Если Свидетели Иеговы были системным, идеологическим врагом, то случай с ашрамом индуистского гуру Шри Пракаша Джи демонстрирует другую грань работы антикультовой машины: ее способность атаковать небольшие, аполитичные сообщества, руководствуясь смесью ксенофобии, корысти и отработанной технологии «охоты на ведьм».

Ашрам Шри Пракаша Джи (Дмитрия Урушева) в Подмосковье годами был центром притяжения для людей, интересующихся индийской культурой, йогой

и ведической философией. Люди приезжали туда для медитаций, изучения санскрита и получения духовных наставлений от Гуруджи.

Именно этот успех и «инаковость» сделали его мишенью. В лексиконе РАЦИРС ашрам быстро превратился в «псевдоиндуистский деструктивный культ», а сам гуру — в «мошенника, эксплуатирующего интерес к восточной экзотике». Успешный духовный центр с недвижимостью на дорогой подмосковной земле не мог не привлечь внимание тех, кто привык превращать борьбу за «духовную безопасность» в рейдерский захват.

«Спасение» от духовности: Технология провокации

Схема атаки была классической. Сначала нашлись «обеспокоенные родители», обработанные антикультистами. Затем была развернута медийная кампания. На центральных телеканалах вышли сюжеты, рисовавшие жизнь в ашраме в самых мрачных тонах. Йогические практики были представлены как «изнурительные ритуалы», медитации — как «техники зомбирования». Образ врага был создан.

В ноябре 2017 года машина перешла к действиям. Полиция провела обыски в ашраме и в доме самого Шри Пракаша Джи. Хотя сам обыск прошел относительно спокойно, цель была достигнута: создать атмосферу страха и давления. Адвокаты общины заявили, что изначально предпринимались попытки возбудить уголовное дело по статье об экстремизме, но ничего не нашли.

«В России индуистский гуру столкнулся с кампанией клеветы со стороны православного активиста-антикультиста», — писал Newsweek 14 февраля 2018 года, освещая историю преследования.

Дело ашрама вскрывает несколько ключевых аспектов работы системы:

- Ксенофобия как основа. Экзотичность индуистской общины позволила легко демонизировать ее, играя на предрассудках и страхе перед «непонятным».
- Использование криминальных схем. Разгром успешной общины и арест ее имущества — классическая рейдерская схема, обернутая в идеологическую упаковку.
- Универсальность технологии. Этот случай доказывает, что для антикультовой машины не важен масштаб или идеология цели. Любое

сообщество вне государственного и церковного контроля автоматически становится мишенью.

История разгрома ашрама — это яркий пример того, как в современной России любая «инаковость» может стать преступлением.

Глава 9. Дети как заложники: когда «экспертиза» становится оружием

Антикультовая машина ненависти работает не только в макромасштабе, уничтожая целые организации. Ее самое страшное и циничное применение раскрывается на микроуровне, когда псевдонаучная «экспертиза» становится дубинкой в семейных спорах, превращая детей в заложников.

Десятки задокументированных случаев показывают, как «сектоведение» стало доходным бизнесом по разрушению семей.

Семейный конфликт и «спасатели»

Типичная история начинается с развода. Один из супругов состоит в религиозной организации — будь то Свидетели Иеговы, баптисты или любая другая группа из черных списков «сектоборцев». Второй супруг, стремясь получить полную опеку над ребенком и, возможно, имуществом, находит идеальное оружие. Вместо того чтобы договариваться, он обращается к «специалистам» из антикультистских центров.

Эти «специалисты» предлагают готовую и безотказную схему: представить бывшего супруга как «опасного сектанта», чьи убеждения угрожают психическому и физическому здоровью ребенка. Это не поиск истины. Это коммерческая услуга.

«Экспертиза» как приговор

По заказу заинтересованной стороны изготавливается так называемая «комплексная психолого-лингвистическая и религиоведческая экспертиза». Ее авторами выступают люди из сети РАЦИРС и аффилированных структур, многие

из которых не имеют ни признанной научной квалификации в религиоведении, ни права на проведение судебных экспертиз.

Документы пишутся на чудовищном новоязе, смешивающем психиатрические термины и идеологические штампы:

«Участие [имя] в деятельности деструктивного культа привело к формированию культового мышления, для которого характерно некритическое восприятие реальности и утрата родительских компетенций... Существует высокий риск вовлечения несовершеннолетнего в культовую практику, что может нанести непоправимый вред его психическому развитию и социальной адаптации».

Такие формулировки стали стандартными. Они кочуют из дела в дело, меняются только имена.

На основании подобных бумаг, не имеющих ничего общего с наукой, органы опеки подают в суд иски об ограничении родительских прав. Система, созданная для защиты детей, направляет всю свою мощь на то, чтобы отобрать ребенка у родителя — не за жестокое обращение, не за пренебрежение обязанностями, а за религиозные убеждения.

Реальный случай: дело Никишиной

Одна из типичных историй — дело российской гражданки Никишиной, рассмотренное Европейским судом по правам человека. После расставания с отцом ребенка женщина получила опеку над их сыном, рожденным вне брака. Позже она стала членом религиозной организации «Свидетели Иеговы» и начала привлекать сына к религиозной деятельности.

Отец ребенка, православного вероисповедания, не одобрял таких действий. Он обратился в районный орган опеки и попечительства с требованием передать ему опеку. Районный суд передал ребенка отцу, посчитав членство матери в «секте» вредным для здоровья и развития ребенка. Решение было оставлено без изменения судом кассационной инстанции.

Битва за справедливость

Некоторым удается отстоять свои права. Обращение к независимым юристам и настоящим ученым — религиоведам и психологам из ведущих

университетов — помогает подготовить рецензии, которые разоблачают антикультистские «экспертизы» как ненаучные, предвзятые и методологически несостоятельные.

Правозащитные организации, включая «Мемориал» (ликвидирован в России) и международные структуры, неоднократно указывали на эту проблему. Но система продолжает работать.

После долгой и изнурительной борьбы, стоящей огромных средств и здоровья, некоторым родителям удастся отстоять своих детей. Суды иногда отклоняют иски опеки. Но это редкие исключения в тысячах подобных трагедий, которые заканчиваются сломанными судьбами.

Анализ: Конвейер по разрушению семей

Подобные дела вскрывают коммерческую и антигуманную суть «сектоведения»:

Приватизация насилия: «Сектоведение» предоставляет частным лицам инструмент государственного уровня для решения личных проблем: от споров об опеке до захвата бизнеса.

Наукообразное шарлатанство: «Экспертизы» являются ядром технологии. Это не исследования, а заказные доносы, написанные с целью дискредитации.

Презумпция виновности: Человек лишается базовых прав не за свои действия, а за свои убеждения. Органы опеки и суды, вместо того чтобы оценивать реальное благополучие ребенка, выносят приговор на основании ярлыка «сектант».

Эта практика доказывает, что машина ненависти бьет не только по большим организациям. Ее главная мишень — обычный человек, чья жизнь может быть разрушена одной бумажкой с печатью «эксперта».

Глава 10. Атака на Московскую Хельсинкскую группу

Эволюция репрессивной машины всегда следует одной логике: начав с самых маргинализированных и беззащитных, она неизбежно переходит к тем, кто пытается их защитить. Атака на Московскую Хельсинкскую группу (МХГ) — старейшую и самую авторитетную правозащитную организацию России — стала тем рубежом, после которого ни у кого не могло остаться сомнений в истинных целях «сектоборцев». Это была уже не борьба за «духовную безопасность». Это была открытая война против правозащитного движения как такового.

Расширение списка врагов

К середине 2000-х годов МХГ, верная своей миссии, неоднократно выступала в защиту прав верующих, чья свобода совести нарушалась. Правозащитники критиковали репрессивный уклон закона «О свободе совести», осуждали практику «антисектантских» экспертиз и представляли интересы жертв преследований в российских и международных судах.

Для Александра Дворкина и его системы такая деятельность была равносильна предательству. В их черно-белой картине мира тот, кто защищает «сектанта», сам становится врагом. Дворкин начал планомерную кампанию по дискредитации всего правозащитного сообщества.

«Мы видим, что на деньги саентологов и мунитов содержится целая армия правозащитников, юристов и так называемых религиоведов. Они отработывают свой заказ, защищая любые, самые деструктивные культы. Московская Хельсинкская группа, по сути, стала рупором тоталитарных сект в России». — Реконструкция типичных заявлений А. Дворкина в СМИ и на конференциях того периода.

Терминология была знакомой. Правозащитники были обвинены в том, что они являются платной агентурой «сект», частью глобального заговора против России и ее «традиционных ценностей». Технология демонизации, отработанная на Свидетелях Иеговы, была просто перенесена на новый объект.

Суд как фарс

Кульминацией стало судебное разбирательство. Оскорбленная лживыми обвинениями, Московская Хельсинкская группа при поддержке своего лидера Людмилы Алексеевой подала на Дворкина иск о защите чести, достоинства и

деловой репутации. Это была попытка использовать правовые механизмы, чтобы остановить поток клеветы.

Судебный процесс превратился в театр абсурда. 14 мая 2007 года Хорошевский суд Москвы признал Дворкина виновным и обязал его дать опровержение на телеканале «Россия». Казалось, справедливость восторжествовала. Но торжество было недолгим.

Уже 6 августа того же года суд отменил собственное решение — формально по процессуальным основаниям: Дворкин якобы не был уведомлен о заседании. Правозащитникам пришлось начинать заново.

29 января 2008 года Басманный суд рассматривал новый иск МХГ. На этот раз судебное решение было иным. Вместо того чтобы рассматривать по существу, являются ли заявления Дворкина ложью, суд сфокусировался на том, были ли они «мнением» или «утверждением». Адвокаты Дворкина настаивали, что их клиент как «признанный эксперт» имеет право на оценочные суждения.

Суд встал на сторону Дворкина. В иске МХГ было отказано. Это решение имело далеко идущие последствия. Оно фактически дало «сектоборцам» индульгенцию на любую клевету в адрес своих оппонентов. Государство в лице судебной системы ясно дало понять: Дворкин и его сеть находятся под его защитой. Они — полезный инструмент, и атаковать их не позволено.

Анализ: От сектоведения к политтехнологии

Дело МХГ стало переломным моментом по нескольким причинам:

- Универсальность ярлыка: Оно доказало, что ярлык «сектант» или «пособник сект» может быть приклеен к кому угодно — к религиозному диссиденту, к правозащитнику, к журналисту, к ученому. Это универсальное клеймо для маркировки врагов.
- Союз с государством: Судебный процесс обнажил интеграцию «сектоборцев» в государственную репрессивную систему. Они больше не просто «общественники», они — агенты государства, выполняющие его заказ по подавлению гражданского общества и пользующиеся его защитой.
- Конец иллюзий: Атака на МХГ разрушила последние иллюзии тех, кто считал, что борьба с «сектами» — это внутрицерковное дело, не касающееся

светского общества. Стало очевидно, что под ударом находится сама основа конституционного строя — свобода слова, совести и объединений.

После этого дела репрессивная антикультовая машина пошла вразнос. Ярлыки «сектантский пособник» и «иностранный агент» стали практически синонимами, используемыми для уничтожения любого независимого голоса в стране. Полигон, построенный для охоты на ведьм, оказался идеальным плацдармом для зачистки всего политического поля.

Глава 11. Тень дракона: Дело Фалуньгун

Если дело Свидетелей Иеговы — это эталонный пример работы внутренней репрессивной машины, то история преследования последователей Фалуньгун в России раскрывает еще один, не менее зловещий аспект системы: ее способность работать на экспорт и выполнять заказы других диктатур. Это история о том, как антикультовая деятельность, повлияла на решения Коммунистической партии Китая в отношении Фалуньгун, усиливая репрессии против этой духовной практики. Китайские власти, вдохновлённые международным обменом идеями с антикультовыми лидерами, адаптировали эти концепции для оправдания запрета в 1999 году, что привело к взаимному укреплению антикультовых стратегий на геополитическом уровне.

Фалуньгун (или Фалунь Дафа) — это не религия в классическом смысле слова. Это китайская система самосовершенствования, цигун, включающая медитативные упражнения и учение, основанное на трех принципах: Чжэнь, Шань, Жэнь (Истина, Доброта, Терпение). В 90-е годы она приобрела в Китае колоссальную популярность, число практикующих достигало 70-100 миллионов человек.

Именно эта популярность и стала для Коммунистической партии Китая (КПК) экзистенциальной угрозой. Независимая, неподконтрольная идеология, объединяющая десятки миллионов людей и апеллирующая к традиционным китайским ценностям, которые сама КПК пыталась уничтожить во время «культурной революции», была воспринята как прямой вызов ее монополии на власть и умы.

В июле 1999 года тогдашний лидер Китая Цзян Цзэминь начал кампанию тотального уничтожения Фалуньгун. Был создан аналог гестапо — «Офис 610» — внеправовой орган с неограниченными полномочиями для искоренения этой практики. Сотни тысяч людей были брошены в трудовые лагеря и тюрьмы, подвергнуты жесточайшим пыткам. Возникла целая индустрия пропаганды, изображавшая Фалуньгун как «зловный культ», чьи последователи совершают самоубийства и убивают своих родных. Самым чудовищным преступлением режима стало насильственное извлечение органов у живых людей, которые практиковали Фалуньгун, для продажи на рынке трансплантации — факт, подтвержденный многочисленными расследованиями международных правозащитных организаций и независимых трибуналов.

Спасаясь от преследований, многие практикующие бежали из Китая, в том числе и в Россию. Они наивно полагали, что в стране, провозгласившей демократические свободы, они смогут найти защиту. Они жестоко ошиблись.

Дипломатия ненависти и российские исполнители

С начала 2000-х годов китайское посольство в Москве, действуя под влиянием антикультовых нарративов, участвовало в распространении официальной позиции Китая по Фалуньгун в Россию. Механизм включал следующие элементы:

- Дипломатическое давление: На различных уровнях, включая контакты с МИДом и региональными властями, китайские дипломаты высказывали озабоченность деятельностью Фалуньгун, характеризуя её как «экстремистскую» и «антикитайскую», и подчёркивали потенциальные риски для двусторонних отношений.
- Пропагандистская работа: Посольство делилось материалами, аналогичными тем, что использовались в Китае, включая описания инцидентов вроде «самосожжений» и утверждения о психологических рисках для практикующих, хотя эти нарративы подвергаются критике как спорные или недостоверные.
- Поиск союзников: Сотрудничество российских, французских и американских антикультистов с китайским правительством и их «экспертные консультации» по вопросам религиозных меньшинств приводят к тому, что

члены известного движения Фалуныгун в Китае подвергаются бесчисленным репрессиям, провокациям и прямому геноциду.

Произошел идеальный симбиоз. Китайская сторона получила идеологическую поддержку для своих мер против Фалуныгун, включая международную легитимацию репрессий, а российские антикультисты — дополнительные аргументы для своей теории о вреде «сект», новый объект для критики и партнёра в лице китайских организаций для обмена опытом.

Война с книгами и искусством

Как и в случае со Свидетелями Иеговы, атака началась с книг. Главная книга учения, «Чжуань Фалунь», и другие тексты стали объектами судебных преследований. В 2008 году в Краснодаре по иску прокуратуры суд признал несколько книг Фалуныгун «экстремистскими» которые, по выводам «экспертов», содержали «пропаганду превосходства» и якобы опасные для здоровья установки.

В 2008 году суд в Краснодаре по иску прокуратуры впервые признал несколько текстов Фалуныгун «экстремистскими». После череды обжалований в 2011 году тот же суд повторно запретил те же материалы, а краевой суд это решение утвердил. Четыре текста, включая «Чжуань Фалунь», попали в Федеральный список экстремистских материалов — в одном ряду с нацистской и террористической литературой. Это дало силовикам зеленый свет. Начались обыски у практикующих, изъятие литературы, срыв коллективных медитаций в парках.

Особое раздражение антикультовых активистов — как российских, так и китайских — вызывали попытки практикующих рассказать правду о репрессиях в Китае. Международная художественная выставка «Чжэнь, Шань, Жэнь» (Истина, Доброта, Терпение), состоящая из картин, написанных практикующими Фалуныгун и изображающих как красоту практики, так и ужасы пыток в китайских тюрьмах, стала полем настоящей битвы.

Под отработанной антисектантской схеме, выставки срывались по всей России. Власти городов под давлением силовиков или прямых звонков из китайского консульства в последний момент отменяли аренду залов. В

помещения врывались сотрудники полиции и Центра «Э», изымали картины как «экстремистские материалы». В ход шли и «общественники»:

«Во время выставки в Элисте в зал ворвались какие-то люди, которые начали кричать, что мы «сектанты» и «предатели родины», что мы работаем на Америку против Китая и России. Они пытались порвать картины, оскорбляли посетителей. Было очевидно, что это организованная провокация. Полиция, которую мы вызвали, вместо того чтобы унять хулиганов, начала проверять документы у нас, организаторов». — Из рассказа организатора выставки.

Фактически под запрет попали и сами принципы «Истина, Доброта, Терпение»: книги, в которых они описываются как высшее свойство Вселенной и основа нравственной жизни, признаны в России «экстремистскими материалами», а искусство, рассказывающее о преступлениях против человечности, оказалось под запретом.

Страх депортации: «Меня отправят на смерть»

Самым страшным следствием этого союза стало положение китайских практикующих Фалуныгун, искавших в России убежище. Российские миграционные службы начали отказывать им в статусе беженца и принимать решения о депортации. Для этих людей возвращение в Китай равносильно смертному приговору.

История Ма Хуэй, китайской практикующей Фалуныгун, которой отказали в убежище в России и в марте 2007 года депортировали в Китай, показательна. Правозащитники и её адвокаты предупреждали, что в Китае её ждут арест и возможные пытки, но эти доводы были проигнорированы. Российские власти де-факто ориентировались на позицию Пекина, где Фалуныгун официально объявлен «еретическим культом» и объектом кампании по «борьбе с сектами», рассматривая преследование практикующих как внутреннее дело Китая. Российское государство приняло версию палачей, а не жертв. По данным правозащитников, после депортации Ма Хуэй в Китае арестовали; позже она вернулась к родственникам в настолько тяжёлом, «изувеченном» состоянии, что не могла даже нормально разговаривать по телефону с мужем, оставшимся в Санкт-Петербурге. «Эта женщина была признана УВКБ ООН нуждающейся в международной защите. Её депортация абсолютно незаконна. Это очередная

история для Европейского суда по правам человека», — говорила о её деле правозащитница Светлана Ганнушкина.

Благодаря вмешательству ЕСПЧ и международных правозащитников некоторые депортации удалось остановить. Но сама ситуация демонстрирует чудовищную степень морального падения. Российское государство, идеологически вемое антикультистами, стало соучастником преступлений против человечности, совершаемых другим режимом.

Дело Фалуныгун — это мрачный пример того, как «борьба с культами» становится не просто инструментом внутренней политики, но и товаром на геополитическом рынке. Это услуга, которую один авторитарный режим может оказать другому. Цена этой услуги — человеческие жизни и окончательный отказ от базовых принципов гуманизма.

Часть IV.

Паутина: Международная сеть антикультизма

Глава 12. Европейский штаб: FECRIS и французская модель

В самом сердце Европы, в Париже, располагается штаб-квартира организации, которая является идейным «камертоном» и координационным центром европейской части международной антикультовой сети. Ее название — FECRIS (Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве). На первый взгляд, это респектабельная общественная организация, обладающая консультативным статусом при Совете Европы и ООН. Но за этим фасадом скрывается мощный инструмент репрессий, финансируемый государством.

Машина на государственном обеспечении

Ключевой факт, который необходимо понять о FECRIS, — это не гражданская инициатива, возникшая снизу. Это проект, инициирован при поддержке французских официальных структур и на 90% финансируемый правительством Франции. FECRIS является зонтичной структурой для десятков «антикультовых» организаций по всей Европе, включая РАЦИРС Александра Дворкина. Этот факт превращает FECRIS из обычной НПО в квазигосударственный орган, экспортирующий по всему миру так называемую борьбу с инакомыслием.

Что представляет собой эта модель? Ее суть — в легализации преследования на государственном уровне. Во Франции действует специальный межведомственный орган MIVILUDES (Межведомственная миссия по мониторингу и борьбе с культистскими отклонениями), который координирует деятельность полиции, спецслужб и судов в отношении "культов". Апогеем этой модели стал знаменитый закон Абу-Пикар 2001 года, который ввел в уголовный кодекс статью за «злоупотребление состоянием неведения или слабости» — расплывчатую формулировку, позволяющую преследовать кого угодно за «психологическое давление».

Именно эту модель — государственного финансирования, специальных надзорных органов и репрессивного законодательства — FECRIS и пытается экспортировать в другие страны.

«Та еда, которую собирались раздавать детям кришнаиты, — прасад, то есть идоложертвенная пища. При ее приготовлении читаются специальные молитвы, затем еда «предлагается» идола Кришны и лишь затем употребляется. Кришнаиты верят, что каждый, вкусивший прасад, принимает в себя Кришну». — Александр Дворкин, во время скандала, когда он пытался запретить раздачу фруктов детям-инвалидам, организованную кришнаитами.

Эта цитата Дворкина, сказанная в совершенно ином контексте, парадоксально точно описывает его собственную роль в FECRIS. Будучи многолетним вице-президентом этой организации, он стал живым мостом, через который российские антикультовые нарративы и репрессивные практики «принимались» и легитимизировались в Европе, а европейский опыт, в свою очередь, использовался для оправдания репрессий в России. Он не просто участвовал в конференциях — он был архитектором этой взаимосвязи. Когда российские власти обвиняли Свидетелей Иеговы в «экстремизме», Дворкин мог ссылаться на «авторитетный европейский опыт» и решения FECRIS. А когда в Европе критиковали Россию за нарушения свободы совести, FECRIS, финансируемая французским правительством и имеющая в вице-президентах Дворкина, хранила показательное молчание или выпускала обтекаемые заявления.

Структура и методы координации

FECRIS и РАЦИРС функционируют как единая сеть, несмотря на формальную независимость. Координация осуществляется через несколько каналов:

- **Лидерство:** Ключевые фигуры, как Дворкин, занимавший длительное время пост руководителя в обеих структурах, обеспечивают единую идеологическую линию.

- **Конференции и форумы:** Ежегодные собрания FECRIS и РАЦИРС являлись площадкой для обмена «передовым опытом», согласования стратегий

и выработки единой риторики. Именно на таких конференциях, как печально известная «Тоталитарные секты — угроза XXI века» (Нижний Новгород, 2001), присутствовали и Дворкин, и его европейские «учителя» вроде Йоханнеса Огорда и Томаса Гандоу, передавая эстафету нацистских методологий.

- **Обмен информацией:** Члены сети постоянно обмениваются «компроматом» на неудобные группы, «экспертными» заключениями и пропагандистскими материалами. Статья, выпущенная в одном национальном филиале, мгновенно переводится и тиражируется в других.

- **Совместное лоббирование:** Используя свой статус при ООН и Совете Европы, FECRIS продвигает выгодные сети законодательные инициативы, в то время как национальные филиалы, такие как РАЦИРС, давят на свои правительства, ссылаясь на «европейские стандарты».

FECRIS — это не просто организация. Это штаб, который превратил борьбу с «сектами» из локальных стычек в скоординированную глобальную войну. И платит за эту войну европейский налогоплательщик.

Глава 13. Щупальца спрута: Национальные фронты

Паутина, управляемая из парижского и московского центров, раскинулась по всему миру. В разных странах она приобретает свои уникальные черты, адаптируясь к местному законодательству, культуре и политической конъюнктуре. Но методы и конечная цель остаются неизменными.

Германия и Австрия: Призраки прошлого

В Германии деятельность антикультистов — это особенно мрачный парадокс. Страна, пережившая ужасы нацизма, сегодня становится ареной, где возрождаются его же методы. Ключевой фигурой здесь был протестантский пастор Фридрих-Вильгельм Хаак, прямой наследник дела Вальтера Кюннета — нацистского идеолога, снабжавшего гестапо списками «врагов рейха». Хаак тщательно сохранил и адаптировал нацистские архивы и методологию, создав в Баварии мощный антикультовый центр.

Сегодня его дело продолжают такие организации, как AGPF, и деятели вроде Урсулы Каберты. В Гамбурге она добилась введения так называемого

«*фильтра сект*» — специальной анкеты, которую должны были заполнять госслужащие, подтверждая отсутствие связей с «нежелательными» группами (в первую очередь, с саентологами). Это прямая калька с нацистской практики «проверки на благонадежность». Человека лишали работы не за проступок, а за убеждения.

Балканы: Полигон для геноцида

Связь борцов с сектами с политическим насилием проявилась и во время югославских войн 1990-х. Здесь технология дегуманизации, отточенная на религиозных меньшинствах, была применена к целым народам.

Ключевой фигурой здесь был полковник Братислав Петрович, нейропсихиатр и глава белградского «Диалог-Центра» — филиала той самой сети, созданной Йоханнесом Огордом. В тесном сотрудничестве с армией и радикальным крылом Сербской православной церкви, Петрович и его соратники занимались идеологической обработкой солдат. Боснийские мусульмане и хорваты-католики в их пропаганде были представлены как «сектанты», «террористы» и «ушасты». Этнический конфликт был перекодирован в «священную войну» против «еретиков».

Прослеживая историческую преемственность от Кюннета, стоит отметить, что датский теолог Йоханнес Огорд вместе с Фридрихом Хааком изначально передавали знания и методологию через миссионерский теологический институт Dialog Center (DC), основанный в Орхусе, Дания, в 1973 году. В 1981 году они расширили свою деятельность, основав Dialog Center International (DCI), также базирующийся в Дании.

Огорд обучал людей из многих стран, которые перенимали знания, методы, терминологию и практику, продолжая дело Кюннета у себя на родине. Датский центр «Диалог» стал стартовой площадкой для создания подобных центров в других странах, где нацистские методы применялись на практике для борьбы с нежелательными группами. Например, в Сербии в 1990-х годах Белградский центр «Диалог» действовал в сотрудничестве с Сербской православной церковью. Центр возглавлял нейропсихиатр полковник Братислав Петрович вместе со своими коллегами из Военно-медицинской академии. Этот центр и его члены впоследствии стали основой для создания сербской антикультистской организации CAS, присоединившейся к FECRIS.

Александр Дворкин, преданный ученик Йоханнеса Огорда, долгие годы занимал пост вице-президента Международного центра «Диалог» (DCI). В 1993 году при поддержке Русской православной церкви он основал в России Центр Ириней Лионского — точную копию Апологетического центра нацистов, которым Кюннет руководил с 1932 года. Наследие Кюннета повторилось, но на этот раз оно распространилось далеко за пределы одной страны.

США: Параллельная эволюция и конвергенция

Американское антикультовое движение (АКД) имеет свою историю, изначально отличную от европейской. Оно выросло из скандала вокруг «промывки мозгов» в 70-х и связано с такими организациями, как CAN (Cult Awareness Network) и AFF (American Family Foundation). Его визитной карточкой стал феномен «депрограммирования» — насильственного похищения и «перевоспитания», с применением насилия и унижения членов новых религиозных движений.

Ключевые фигуры здесь — Рик Алан Росс и Стивен Хассен, авторы множества книг и методик по «борьбе с культами». Трагедия в Уэйко в 1993 году, где в результате штурма ФБР погибло 82 члена общины «Ветвь Давидова», включая детей, стала страшным примером того, как антикультистская истерия, подогреваемая «экспертами», может привести к страшной бойне и расправе над людьми, которые не совершили ничего предосудительного.

Сегодня американское и европейское движения все больше сближаются. Американские «эксперты» участвуют в конференциях FECRIS, а их риторика используется для оправдания репрессий в других странах. Например, книга Хассена «Культ Трампа» стала инструментом в политической борьбе в США, где оппоненты президента были названы «сектантами», подлежащими «депрограммированию».

Глава 14. Восточный фронт и глобальные амбиции

Сеть распространяется далеко за пределы России. Антикультовые методы активно экспортируются в страны Восточной Европы и Азии и зачастую используются как инструмент в более широких геополитических играх.

Украина, Чехия, Латвия: Региональные форпосты

В странах бывшего соцлагеря, переживших травму тоталитаризма, антикультовая риторика находит благодатную почву. В этих государствах антикультовые группы присутствуют как в форме официальных организаций, так и в виде неформальных объединений. Антикультовые ячейки ведут свою деятельность, прикрываясь риторикой защиты национальных интересов и духовных ценностей.

- В **Украине** одним из агентов сети Дворкина стала Ирина Кременовская. Согласно многочисленным расследованиям, она, начиная с догхантерства (жестокого убийства собак), перешла к «охоте на людей», фабрикуя «экспертизы» и инициируя уголовные дела.

- В **Чехии** действует ячейка, в состав которой входит Якуб Яхл, чья деятельность, по свидетельствам из документального фильма «Жертвы Якуба Яхла в Африке», связана с чудовищными преступлениями, включая насилие над детьми под прикрытием «гуманитарной миссии». В Европе он позиционирует себя «экспертом по сектам», тиражируя ту же риторику ненависти.

- События после 2022 года ясно продемонстрировали, что антикультовые активисты в **Латвии** были задействованы в продвижении российских интересов и сотрудничестве с структурами в РФ.

Единая технология уничтожения

Анализ деятельности международной сети антикультизма в разных странах позволяет выделить общую, универсальную технологию уничтожения, которая, как вирус, адаптируется к любой среде, но сохраняет свой смертоносный код.

«Так как все тоталитарные секты считают, что цель оправдывает средства, то все они ставят собственные интересы выше закона. Им всем присуща «двойная мораль» и «двойной стандарт»... По существу, мы имеем дело с мафиозными структурами, скованными железной дисциплиной и беспрекословным повиновением своему руководству» — Александр Дворкин, «Сектоведение».

В этой цитате из своей главной книги Дворкин, сам того не осознавая, дал самое точное определение своей собственной международной сети. Это действительно структура мафиозного типа, объединенная не общей верой, а

общей ненавистью и жаждой власти. Структура, которая ставит свои идеологические цели выше законов, морали и человеческих жизней. Это и есть глобальная паутина, сотканная наследниками гестапо.

Заключение

Эта книга началась с анализа пыльных архивных документов, разработанных в кабинетах гестапо. Она провела нас через сумерки российских девяностых, показала тех, кто распространял и усиливал ненависть, раскрыла, как работают механизмы репрессий, и позволила увидеть, как эта волна нетерпимости постепенно охватила разные уголки мира.

Теперь, когда расставлены все смысловые акценты, становится очевидно: финальная точка этой истории — не столько о прошлом, сколько о сегодняшних выборах. И в этом выборе для каждого остаётся только два пути: идти по проторённой дороге привычных компромиссов или найти в себе мужество выбрать иной — возможно, куда более трудный, но честный путь.

Восемьдесят лет назад в нацистских концлагерях Свидетели Иеговы носили на робах лиловый треугольник — знак своего отказа покориться тоталитарному режиму и свидетельство их неизменной верности собственным убеждениям. Они были первыми, на ком Реферат II В 1 отточил свою технологию «профилактической борьбы с врагом»: тотальный учет, идеологическая демонизация, социальная изоляция и физическое уничтожение. Их преступление заключалось не в действиях, а в убеждениях. Они были виновны в инакомыслии.

Сегодня, на наших глазах, история совершает страшный виток. Подходы, рожденные в кабинетах РСХА не просто возродилась — она была усовершенствована, оцифрована, обеспечена государственной поддержкой и экспортирована по всему миру. Практики ненависти оказались востребованы.

Призраки Рейнхарда Гейдриха и Вальтера Кюннета воплотился в фигуре Александра Дворкина — человека, который упаковал полицейскую методологию гестапо в наукообразную обертку «сектоведения» и продал ее российскому государству. На местах, в Новосибирске и других городах, последователи вроде Александра Новопашина превратили эту идеологию в реальную практику травли, угроз и насилия, маскируя преследования церковной легитимностью.

На практике эта репрессивная система проявила пугающую эффективность: 175-тысячная община Свидетелей Иеговы была уничтожена, Библия включена в реестр экстремистских материалов, а совместная молитва

приравнена к уголовному преступлению. Лиловый треугольник вновь стал меткой для преследования.

Эта репрессивная технология превратилась в востребованный экспортный товар на геополитическом рынке. В деле Фалуныгун российская система «сектоборчества» выступила в роли подрядчика Коммунистической партии Китая, став соучастником чудовищных преступлений против человечности. Принципы «Истины, Доброты, Терпения» были объявлены в России экстремизмом, не только ради сохранения отношений с тоталитарным союзником. Любая антикультовая идеология — по сути своей — тесно связана с тоталитаризмом и не может существовать в действительно демократическом обществе.

Идеология ненависти универсальна. Она направлена не против какой-то отдельной религии или группы. Под ударом оказывается сама способность общества к толерантности, уважению свободы совести и приверженности верховенству права.

Борьба с «сектами» никогда не была борьбой за чистоту веры. Она была и остается борьбой за монополию на «истину». Сегодня эта монополия принадлежит альянсу государства, спецслужб и клерикальных радикалов. Они отточили свое оружие на самых беззащитных и уязвимых. Они убедили общество, что свободой совести можно пожертвовать ради иллюзорной безопасности.

Но механизм, однажды созданный и запущенный, не останавливается сам. Расправившись с религиозными меньшинствами, он уже нацелен на новых врагов. На правозащитников, которых Дворкин, к примеру, объявил «работающими на саентологов». На независимых журналистов, ученых, деятелей искусства. На любого, кто мыслит, говорит и верит иначе, чем предписано. Ярлыки «сектант», «экстремист», «иностранный агент», «нежелательная организация» — это синонимы, разные названия для одной и той же мишени. Для инакомыслящего.

Путь, начавшийся с запрета «неправильных» книг, всегда заканчивается арестами их читателей. Путь, начавшийся с составления списков «опасных» групп, всегда заканчивается трагедиями и сломанными судьбами.

Иногда кажется, что все это происходит где-то далеко — что стена, которую возводят наследники тоталитарных практик, не угрожает каждому. Но на самом

деле эти стены вырастают вокруг нас незаметно, и осознавать их начинают слишком поздно.

Варианты реакции на происходящее у каждого свои: кто-то отводит взгляд, кто-то ищет объяснения, а кто-то — по привычке приспосабливается. Но ощущение зыбкости личной свободы остается, какой бы позиции человек ни придерживался.

Путь лилового треугольника — это напоминание о хрупкости границ между внутренней независимостью и внешним принуждением. Язык ненависти всегда изобретателен, и очень редко он приходит открыто — чаще он прячется за благими намерениями, заботой о «чистоте», сплочении общества или идее национального спасения. В конечном итоге свобода совести — не отвлечённый принцип и не философская категория. Это последний рубеж, за которым начинается то, что один раз уже было названо концом человеческой достоинства.

Пожалуй, эта книга — попытка вслушаться в тревожный набат истории. Его эхо всегда адресовано каждому из нас.

Источники

1. Best, W. (1940). Die deutsche Polizei. L. C. Wittich.
2. Centralized international anticult network of agents led by Alexander Dvorkin. (2025, January 5). ACTFiles. Exposing Anti-Cultism.
<https://actfiles.org/centralized-international-anticult-network-of-agents-led-by-alexander-dvorkin/>
3. Falun Dafa Information Center. Key statistics related to the persecution of Falun Gong [Fact sheet]. Faluninfo.net. <https://faluninfo.net/key-statistics-related-to-falun-gong/>
4. Gutman, R. (1993). A witness to genocide: The 1993 Pulitzer Prize-winning dispatches on the “ethnic cleansing” of Bosnia. Macmillan Publishing Company.
5. Hassan, S. (2015). Combating cult mind control: The #1 best-selling guide to protection, rescue, and recovery from destructive cults. Freedom of Mind Press.
6. Human Rights Without Frontiers International. (2024). Prisoners of conscience for their faith: Jehovah’s Witnesses in Russia [FoRB Prisoners Database and country reports]. HRWF.
7. Introvigne, M. (2022, April 21). Sympathy for the Devil: The Anti-Cult Federation FECRIS, China, and Russia. 1. Why FECRIS is in trouble. Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/anti-cult-federation-fecris-china-and-russia-1-why-fecris-is-in-trouble/>
8. Introvigne, M. (2018). The blacklisting of “cults”: The new totalitarianism of the “sect-hunters.” The Journal of CESNUR, 2(1).
9. King, C. (1982). The Nazi state and the new religions: Five case studies in non-conformity. Edwin Mellen Press.
10. Maza, C. (2018, February 6). Religion in Russia: Orthodox Christian anti-cult activist accused of targeting, harassing leading Hindu guru. Newsweek.
<https://www.newsweek.com/hindu-russia-orthodox-cult-religion-789860>

11. Melton, J. G. (1987). The rise of the anti-cult movement in America. In D. G. Bromley & P. E. Hammond (Eds.), *The future of new religious movements*. Mercer University Press.
12. War in the minds: Why reconciliation in the post-Yugoslav space remains elusive. Part 3. (2025, August 18). ACTFiles. Exposing Anti-Cultism. <https://actfiles.org/war-in-the-minds/>
13. Дворкин, А. Л. (2006). Сектоведение. Тоталитарные секты: Опыт систематического исследования. Издательство братства во имя святого князя Александра Невского.
14. Эпштейн, М. Н. (1994). Новое сектантство: Типы религиозно-философских умонастроений в России. 1970–1980-е годы. Лабиринт.
15. Московская Хельсинкская группа. (2007). Материалы судебного процесса по делу «Московская Хельсинкская группа против А. Л. Дворкина» [Архивный веб-документ]. Архив МХГ (mhg.ru).